

DOI: 10.31857/S032103910019430-6

ИСТОЧНИКИ ИМПОРТОВ ВОСТОЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СВАТИЛИЩЕ ГЕРЫ НА САМОСЕ

А. В. Иванова

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: annaivanova.rsuh@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2396-8615

Святилище Геры на острове Самос выделяется среди прочих большим количеством votivных приношений восточного происхождения, обнаруженных там во время раскопок. На основании анализа литературных, эпиграфических и археологических источников в данной статье делается предположение о путях проникновения восточных импортов в святилище. В качестве возможных вариантов приводятся торговля, обмен ремесленными технологиями, служба греческих наемников на восточных территориях и грабительские набеги. Паломничество иностранцев и миграция ремесленников с Востока в случае Самоса представляются менее вероятными и не находят прямого подтверждения в источниках.

Ключевые слова: архаическая Греция, межкультурные связи, святилища, votivные приношения, восточные импорты, храм Геры на Самосе

THE SOURCES OF ORIENTAL IMPORTS AT THE SAMIAN SANCTUARY OF HERA

Anna V. Ivanova

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: annaivanova.rsuh@gmail.com

Данные об авторе. Анна Владимировна Иванова – младший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

During the excavations of Samian sanctuary of Hera large numbers of votive offerings of oriental origin were uncovered. The analysis of literal, epigraphic and archaeological sources allows us to conclude that the majority of such votives were imported by the means of trade, exchange of craftsmanship techniques, mercenary services of the Greeks in the East and pirate raids. Pilgrimage by foreign travellers and the migration of oriental craftsmen in the case of Samos seem to be less plausible and lack solid evidence.

Keywords: Archaic Greece, cross-cultural connections, sanctuaries, votive offerings, oriental imports, Heraion of Samos

Святилище Геры на о. Самос выделяется среди других греческих святилищ архаического периода количеством приношений негреческого происхождения, среди которых явно доминируют изделия из бронзы. Импортные предметы составляют около 85% (примерно 350 предметов) от общего числа известных бронзовых вотивов¹. При этом преобладают импорты с территорий Передней Азии и Египта, составляя примерно 65% от общего числа. Наибольшее количество вотивов происходит из Египта: это большие полые антропоморфные статуи (60–80 см в высоту), маленькие полые статуэтки, изображающие богов, людей и животных, небольшие статуэтки, выполненные в технике литья по утрачиваемой модели со сплошным заполнением формы, отдельные элементы декора несохранившихся предметов интерьера, а также одно зеркало. Менее обильно, но достаточно разнообразно представлены вотивы, происходящие из новохеттских государств. В Герайоне обнаружены цилиндрические навершия булавы, элементы конской упряжи (декорированные рельефами шоры, налобные пластины и удила), вотивные щиты и пояса. Известны также маленькие фигурки животных, преимущественно козлов, которые служили навершиями скипетров или украшениями сосудов². К фригийским импортам относятся фибулы и пояса, от которых сохранились бронзовые накладки и пряжки. Вотивы, происходящие из Сирии, Ассирии и Луристана представлены небольшим количеством статуэток разного размера (5–30 см), выполненными преимущественно в технике сплошного литья и изображающими богов и людей. Одиннадцать вещей из Урарту составляют различные элементы декора – атташи и протомы бронзовых сосудов в форме головы быка, волюты и ножки тронов. Небольшая группа импортов с Кавказа представлена набором колокольчиков и несколькими статуэтками. Все находки датируются периодом приблизительно с VIII в. до конца VI в. до н.э.

Наличие такого разнообразного набора бронзовых вотивов импортного происхождения заставляет задуматься о том, какие причины повлияли на их появление в Герайоне. Географическое положение Самоса у побережья Малой Азии позволяет говорить о неизбежности контактов между столь близко расположенными территориями, однако специфика этих контактов требует уточнения. В данной статье рассматриваются пять типов взаимодействия греков с восточным миром в эпоху архаики, которые могли привести к перемещению значительного количества изделий восточного происхождения на греческие территории: торговля,

¹ Kilian-Dirlmeier 1985, 237.

² Jantzen 1972, 63.

миграция ремесленников с Востока на греческие территории, служба греческих наемников у восточных правителей, грабительские или пиратские набеги на прибрежные территории и паломничество, – и оценивается вероятность участия в них потенциальных посвятителей восточных приношений в Герайон.

Наиболее естественным способом поступления восточных импортов на Самос представляется торговый обмен: греческие торговцы, которые приобретали различные предметы роскоши в ходе своих поездок, или сами выступали в качестве посвятителей, или продавали свой товар соотечественникам, которые в дальнейшем могли передать некоторые вещи в Герайон. В данном контексте примечательна описанная у Геродота (IV. 152) история о путешествии самосского корабля к Геракловым Столпам. Самосцы, изначально направлявшиеся в Египет, но случайно оказавшиеся в доселе неизведанном (ἀγήρατον) Тартессе, по возвращению на родину продали привезенный товар по рекордной цене (ἀλονοοστήσαντες οὗτοι ὀλίω μέγιστα δὴ Ἑλλήνων πάντων τῶν ἡμεῖς ἀτρεχεῖν ἴδμεν ἐκ φορτίων ἐκέρδησαν, «они же, вернувшись обратно, более всех греков, о которых мы знаем наверняка, обогатились от товаров»), а десятую часть вырученных средств потратили на подношения в храм Геры. Греческий текст позволяет сделать вывод, что сбыт товаров также происходил на Самосе, поскольку, во-первых, глагол ἀλονοοστέω предполагает именно возвращение домой, в исходную локацию, а во-вторых, других локаций, куда самосцы могли бы вернуться, в данном пассаже не упомянуто. Можно предположить, что подобный исход имели и путешествия на Восток, причем торговцы могли быть заинтересованы в приобретении экзотических товаров из наименее известных стран, поскольку стоимость данных вещей была выше.

Само путешествие самосцев в Египет в целом описывается в данной истории как обыденная практика. Дж. Бордман, который датирует этот эпизод 638 г. до н.э., делает вывод, что торговля Самоса с Египтом должна была в таком случае стать регулярной уже к середине VII в. до н.э.³ Подтверждением частых визитов жителей Самоса в Египет служит и факт их активного участия в жизни Навкратиса в середине VI в. до н.э., где ими был возведен храм в честь Геры (Hdt. II. 178), и упоминание самосцев в рассказе про гетеру Родопиду (Hdt. II. 135), который, впрочем, говорит нам скорее о том, сколь разнообразные формы могли иметь торговые операции.

Свидетельствами вовлеченности самосцев в торговую жизнь восточного Средиземноморья могут служить также находки самосской керамики в различных центрах за пределами исконно греческих территорий. Значительное количество фрагментов характерных сосудов было обнаружено в Навкратисе⁴, что служит еще одним доказательством присутствия самосцев в этом эмпории⁵. Фрагменты самосских сосудов также были найдены в поселении Аль-Мина⁶ в устье реки Оронт, в Ашкелоне⁷, в поселениях Баташ и Мецад Хашавьяху в южном Леванте⁸

³ Boardman 1980, 114.

⁴ Schlotzhauer, Villing 2006, 59, 62.

⁵ Подробнее о греках в Навкратисе см., например, Villing, Schlotzhauer 2006; Hockmann, Kreikenbom 2001; Moller 2001.

⁶ Слои с греческой керамикой датируются VII в. до н.э. (Boardman 1980, 48).

⁷ Mouritz 2018, 112.

⁸ Waldbaum 1994, 60.

и в киликийском городе Тарс в слоях VIII и VII веков до н.э., когда город был заново отстроен после разрушения Синнахирибом в 696 г. до н.э.⁹ Причем, если в Аль-Мине центры производства довольно разнообразны (Афины, Коринф, Эвбея и др.)¹⁰, то в южном Леванте преобладает керамика с островов восточной Эгеиды¹¹, что может свидетельствовать о более тесной связи между этими регионами.

Для Тарса и Аль-Мины точно установить форму греческого присутствия представляется довольно затруднительным. Основные типы сосудов, обнаруженные в этих поселениях — чаши, тарелки, кратеры и амфоры, — могли с равной степенью вероятности использоваться как обосновавшимися в этих городах греческими торговцами, наемниками и ремесленниками, так и импортироваться местным населением¹² через посредство греческих или местных торговцев. Баташ и Мецад Хашавьяху, напротив, могли служить местом постоянного проживания греков, поскольку в этих центрах засвидетельствовано существенное количественное преобладание греческих форм керамики над местными, а также обнаружены типично греческие кухонная керамика и светильники¹³, что позволяет скорее поддержать гипотезу о распространении определенной части греческой продукции на территории Малой Азии и Леванта непосредственно самими греками. Через эти области на территорию Греции могли поступать товары из Сирии, Ассирии, Финикии, новохеттских государств и таких удаленных территорий, как Урарту и Кавказ. Однако, если говорить о Самосе, то скромное количество находок непосредственно самосской керамики свидетельствует о гораздо менее активном взаимодействии Самоса с левантийскими регионами, чем с Египтом.

Другой способ проникновения на Самос предметов в восточной стилистике связан с гипотезой о миграции на территорию Греции ремесленников с Востока, которые приносили с собой ранее не известные грекам технологии и стилистические приемы. Стимулом к переселению могла стать военная экспансия Ассирии в VIII в. до н.э., спасаясь от которой, ремесленные мастера из Сирии, новохеттских государств и Урарту отправлялись в другие страны восточного Средиземноморья¹⁴. Подтверждением данной концепции стало обнаружение нескольких ремесленных мастерских на Крите IX–VIII вв. до н.э., принадлежавших выходцам из Месопотамии и Северной Сирии¹⁵, которые изготавливали различные предметы из золота и бронзы в восточном стиле¹⁶.

⁹ Подробнее см. Boardman 1965.

¹⁰ Boardman 1980, 47–48 для слоев VII в. до н.э.

¹¹ Mouritz 2018, 102.

¹² Краткий пересказ дискуссии см. Waldbaum 1994, 56–57.

¹³ Waldbaum 1994 и Niemeier 2001 идентифицируют эти поселения как места постоянного пребывания греческих наемников, хотя их расположение вдоль торговых путей позволяет предположить проживание там и представителей других профессий.

¹⁴ Burkert 1995, 21–25, хотя автор не исключает другие сценарии распространения технологий.

¹⁵ Boardman 1980, 56–60. Зафиксировано два этапа существования этих мастерских: в IX и в VIII в. до н.э.

¹⁶ Бордман находит параллели в ювелирных украшениях и сосудах из Северной Сирии, Урарту и Месопотамии (Boardman 1980, 57–58, 60).

Однако, исследования археологически засвидетельствованных на Самосе бронзолитейных мастерских выявили ключевое различие с мастерскими Крита: продукция критских мастеров имела ярко выраженную восточную стилистику¹⁷, а на Самосе, напротив, преобладали характерные греческие формы, и именно на них оттачивались новые технологии. Например, замена техники выколотки бронзовых листов на технику литья по восковым моделям коснулась в первую очередь протом в форме грифона, которые в большом количестве изготавливались и экспортировались самосцами начиная с VII в. до н.э.¹⁸ В новой технике были выполнены и бронзовые курорсы¹⁹. Маловероятно, чтобы восточные мастера занялись усовершенствованием греческих форм, учитывая их склонность к сохранению своего стиля²⁰ и наличие случаев копирования восточных предметов роскоши, наоборот, греческими мастерами. В то же время самосцы могли использовать импортные предметы в качестве образца для подражания, изучив привезенные торговцами товары или посетив наиболее доступные восточные ремесленные мастерские (например, египетские).

Косвенным аргументом в пользу того, что именно самосские мастера являлись основными импортерами и изделий, и новых технологий, могут послужить многократные упоминания самосцев в рассказах о появлении в Греции бронзового литья. У Павсания несколько раз упоминается, что именно самосцы Ройк и Теодор были первыми, кто освоил выплавку бронзы (VIII. 14. 8: διέχεαν δὲ χαλκὸν πρῶτοι καὶ ἀγάλματα ἐχώνευσαντο Ῥοϊκός τε Φιλαίου καὶ Θεόδωρος Τηλεκλέους Σάμιοι; IX. 41. 1: καὶ σφᾶς, ὡς γε εἶκός, λέληθε Θεόδωρον καὶ Ῥοϊκὸν Σαμίους εἶναι τοὺς διαχέαντας χαλκὸν πρῶτους), а Плиний Старший уточняет, что именно они ввели использование восковых моделей (*Nat. Hist.* XXXV. 152: sunt qui in Samo primos omnium plasticen invenisse Rhoecum et Theodorum tradant, «есть те, кто говорит, что Ройк и Теодор на Самосе первыми из всех изобрели восковые формы», где plasticen – от греческого αἱ πλαστικάι τῶν τεχνῶν, искусство лепки из мягкого материала, в т.ч. воска). Деятельность Ройка и Теодора относится к более позднему времени (первая половина VI в. до н.э.), а их имена могли попасть в рассказы о внедрении бронзового литья в силу того, что это были два наиболее известных самосских ремесленника, построившие первую монументальную версию Герайона. Показательно, однако, что именно жители Самоса фигурируют в этой

¹⁷ В целом продукция восточных мастеров практически не подвергалась эллинизации кроме редких случаев. См. Boardman 1980, 58–60, где данный процесс рассматривается на примере бронзовых щитов, украшенных по центру рельефом в виде головы животного.

¹⁸ Kyrieleis 1990, 21–23.

¹⁹ Kyrieleis 1990, 25–26.

²⁰ Особая ситуация сложилась в Навкратисе, где в местных мастерских производилась керамика, воспроизводящая многие черты сосудов восточной Греции и мало походившая на египетские формы. Однако данная продукция скорее всего изготавливалась именно греческими мастерами и предназначалась в первую очередь для продажи в Египте, где греческие сосуды высокого качества воспринимались как импортные статусные предметы (подробнее см. Demetriou 2012, 130–131).

истории, что может отражать особую роль этого острова и его мастеров в распространении новой технологии.

Распространителями импортных изделий могли быть и возвращавшиеся со службы наемники, которые в эпоху архаики активно принимали участие в военных походах восточных правителей. Эта практика хорошо засвидетельствована для восточной Греции: Геродот передает, что отряд ионян и карийцев поступил на службу к фараону Псамметиху I (664–610 гг. до н.э.) и помог ему объединить Египет (Hdt. II. 152), получив в качестве награды земли по берегам Нила и «все, что полагается» (τᾶλλα τὰ ὑπέσχετο πάντα). Впоследствии наемники оставались на службе у фараона и помогали поддерживать контакты между греческими полисами и Египтом (Hdt. II. 154). Одним из наемников Псамметиха I мог быть Педон — заказчик посвяtitельной надписи на египетской статуэтке из Приены (тип «кубическая статуя», базальт, 21 см, голова не сохранилась), которую, согласно самой надписи, Педон привез из Египта, после того, как окончил службу у фараона²¹: Πηδῶν μ' ἀνέθηκε|ν ὠμφίννεω ἔξ Αἰγ|γύπτῳ|γαγῶν ῥῶι βα|σιλεὺς ἔδωρ' ὠιγύλ|τιος Ψαμμήτιχο|ς ἀριστήϊα ψίλιόν τε χρύσειον καὶ | πόλιν ἀρετῆς ἔ|νεκα²². Текст сообщает, что Педон получил в награду за службу золотой браслет и город. Дарование «города» по-разному интерпретировалось в научной литературе²³, полученный же Педоном браслет мог быть или частью платы, или своего рода «надбавкой» за особые достижения²⁴, что соответствует практике использования предметов роскоши в качестве оплаты наемнического труда. Таким образом, и браслет, и статуя попали на греческую территорию благодаря наемнической службе.

Преемники Псамметиха I продолжили нанимать греческих воинов для своих кампаний. Могли греки принимать участие и в походах фараона Нехо II (610–595 гг. до н.э.) против вавилонян, поскольку поножи и щит греческого производства были обнаружены в Каркемише²⁵, где в 605 г. до н.э. состоялось масштабное сражение. Участие греков в военных кампаниях Псамметиха II (595–589 гг. до н.э.) надежно засвидетельствовано благодаря греческим надписям на колоссе Рамсеса II в Абу-Симбеле²⁶.

²¹ См. Varbaro 2018, 26–28 о датировке статуи и надписи в связи с вопросом о том, кому из фараонов — Псамметиху I или Псамметиху II — служил Педон. Про датировку см. также Ampolo, Bresciani 1988, 239–240.

²² Надпись приведена по Varbaro 2018, 20. Перевод: «Педон, сын Амфиней, меня посвятил, привезя из Египта. Ему царь египетский Псамметих выдал в качестве награды за доблесть и золотой браслет, и город за отвагу».

²³ Существует три наиболее распространенных варианта интерпретации этого выражения: выдача Педону внушительных земельных наделов (Sullivan 2011, 47), назначение Педона на административную должность в одном из крупных городов (Varbaro 2018, 24–25) и дарование Педону права получать с определенного города процент от налогов в казну (Ampolo, Bresciani 1988, 241, где высказывается также предположение, что дарование города могло означать выделение определенной территории, где могли поселиться греческие наемники).

²⁴ Sullivan 2011, 47–48.

²⁵ Sullivan 2011, 49.

²⁶ Boardman 1980, 115–116.

Однако стоит отметить, что все приведенные примеры касаются только службы греков у египетских правителей, которая надежно подтверждается письменными и археологическими источниками. Ключевым примером, который позволил бы говорить об участии греческих наемников в вооруженных конфликтах в составе войск ассирийских и нововавилонских царей, является фрагмент из Страбона, приводившего в контексте рассказа о Митилене биографию Антименида, брата поэта Алкея (XIII. 2. 3): «[В Митилене] же были знаменитые мужи ... поэт Алкей и его брат Антименид, который, сражаясь на стороне вавилонян, как сообщает Алкей, успешно завершил сражение и избавил их от тягот». Это свидетельство Страбона и два фрагмента из Алкея²⁷, в которых упоминается взятие и разрушение Ашкелона вавилонянами и возвращение брата из дальних краев, привели к укоренившемуся убеждению, что Антименид участвовал именно в этой кампании. Однако не так давно связь Антименида с вавилонянами была убедительно опровергнута²⁸, основываясь на критическом анализе текста Страбона и свидетельствах о составе нововавилонского войска. Новая гипотеза предполагает, что Антименид, как и многие другие наемники, находился на службе у египетского фараона. Fr. 350²⁹ (ἦλθες ἐκ περάτων γᾶς, ἐλεφαντίαν // λάβαν τῷ ξίφεος χρυσοδέταν ἔχων, «ты пришел из пределов земли, держа рукоять меча из слоновой кости, украшенную золотом») в таком случае хорошо коррелирует с надписью Педона: эпитет χρυσοδέταν, «украшенная золотом», применительно к рукояти меча (λάβαν, аттич. λαβή), с которым Антименид вернулся из дальних стран, вероятно, означает, что наемник за свою службу получил от царя достойную плату, которая, как и в случае Педона, могла представлять собой предметы из драгоценных металлов.

Помимо официального поступления на службу к восточным правителям военная деятельность греков могла иметь форму грабительских набегов или пиратства. Например, те самые ионяне и карийцы Псамметиха I до поступления на службу занимались морским разбоем и опустошали прибрежные территории (Hdt. II. 152). О пиратской деятельности самосцев к тому же известно по другому, более позднему, эпизоду из Геродота (Hdt. III. 47), когда самосцы похитили у спартанцев панцирь (θώραξ), подаренный фараоном Амасисом святилищу Афины в Линде. Таким образом, разбой можно считать еще одним способом добычи ценных предметов с Востока.

Последний возможный источник восточных импортов в Герайоне — это дары паломников негреческого происхождения, которые привозили посвящения с собой или передавали их через посредников. Отследить эти предметы возможно только при наличии письменного указания на этническую принадлежность дарителя. Литературные источники в таких случаях фиксируют, как правило, лишь дары царей или других представителей знати. Единственный упомянутый случай подобного посвящения в Герайон описан Геродотом (II. 182) и рассказывает о фараоне Амасисе, который посвятил «на Самос Гере два своих деревянных изображения, которые долго демонстрировались в храме» (ἐς Σάμον τῆ Ἥρῃ εἰκόνας

²⁷ Fr. 48 и fr. 350 по изданию Кэмпбелла (Campbell 1982, 260–263; 386–387).

²⁸ Fantalkin, Lytle 2016.

²⁹ Фрагмент из Алкея, приведенный в «Учебнике метрики» александрийского грамматика II в. н.э. Гефестиона (Heph. Ench. 10. 3).

ἑωυτοῦ διφασίας ξυλίνας, αἱ ἐν τῷ νηῶ τῷ μεγάλῳ ἰδρύατο). Однако Геродот подчеркивает, что посвящение Амасиса было сделано им в первую очередь «ради дружбы его самого и Поликрата» (κατὰ ξεινίην τὴν ἑωυτοῦ τε καὶ Πολυκράτεος), что свидетельствует о низком интересе к Герайону со стороны восточных правителей и о том, что святилище Геры на Самосе не входило в число общегреческих святилищ. Контрастным примером является Дельфийское святилище, которому тот же Амасис даровал материалы для восстановления храма (Hdt. II. 180: Ἄμασις μὲν γάρ σφι ἔδωκε χίλια στυλπηρίης τάλαντα), а лидийские правители регулярно отправляли дары (Гиг: Hdt. I. 14; Алиатт: Hdt. I. 25 и Крез: Hdt. I. 50–51).

Среди самих посвящений можно выделить налобную пластину с надписью на арамейском языке, где упоминается имя правителя Дамаска IX в. до н.э. Хаца'эла: «Вот что Хаддад даровал господину нашему Хаца'элу в тот год, когда он (господин) перешел реку»³⁰, но, очевидно, что пластина, обнаруженная в слое VI в. до н.э., никак не могла быть царским подарком в Герайон. Похожие предметы были найдены также в святилище Аполлона в Эретрии (с идентичной надписью, в слое сер. VIII в. до н.э.) и в Милете³¹. Большую часть посвящений на Самосе составляют предметы мелкой пластики, которые принято интерпретировать как дары обычных людей³².

С другой стороны, Герайон являлся крайне значимым местом для самих самосцев. Свидетельством активного использования святилища жителями острова служат посвященные надписи на мраморных статуях. Известны имена трех дарителей, совершивших приношения в святилище в первой половине VI в. до н.э.: Исхий посвятил в Герайон монументального куроса, другая группа из куроса и трех кор была посвящена Херамием, и еще одна скульптурная группа была посвящена в Герайон Генелеем и изображала, по всей видимости, семью заказчика. Экспонирование на территории святилища столь дорогих и монументальных даров было для местных аристократов способом демонстрации силы и влияния³³, что говорит скорее об ориентации Герайона на внутренние дела Самоса, чем о его международном значении.

Аргументом в пользу направленности Герайона на обслуживание жителей острова является также наличие вотивов, соотносящихся с локальной традицией почитания Геры. Это, например, бронзовая подвеска в форме граната³⁴, а также изображения граната из глины и слоновой кости³⁵, обнаруженные в святилище. Наличие на территории святилища значительного количества гранатовых семечек³⁶ позволяет связать эти вотивы с ритуальными трапезами, проходившими в Герайоне, где гранат, считавшийся символом плодородия наряду с сосновыми шишками и головками мака, также найденными в святилище, играл важную роль. Таким образом, местная традиция почитания Геры в качестве богини плодородия, могла определять выбор

³⁰ Перевод по Eph'al, Naveh 1989, 193.

³¹ Morris 2006, 73. Подробнее об этой пластине см. Kyrieleis, Röllig 1988.

³² Kyrieleis 2005, 111.

³³ Pedley 2005, 162–163.

³⁴ В 1161 (Луристан) по Jantzen 1972.

³⁵ Kyrieleis 2005, 109–110.

³⁶ Kyrieleis 2005, 109–110.

семантики вотивов. Еще один распространенный тип вотивов представлен элементами конской упряжи: это налобные пластины и шоры из новохеттских государств, украшенные рельефами, изображающими «повелительницу зверей», удила в форме лошадей и уже упомянутая налобная пластина с именем Хаца'эла. Наличие таких вотивов в святилище может быть объяснено покровительством самосской Геры коневодству. Эта функция богини может восходить к самым древним представлениям, а эпизод, в котором Гера умело правит колесницей, засвидетельствован также у Гомера (Ном. II. V. 720–770, особенно показательна строка 748: Ἥρη δὲ μάστιγι θοῶς ἔλπεισ' ἄρ' ἵπλους). Связь Геры с искусством управления колесницей хорошо соотносится с особым уважением к святилищу со стороны самосской аристократии, о чем свидетельствуют упомянутые выше посвятельные статуи. Можно предположить, что подношениями в Герайон становились вещи, которые хотя бы в некоторой степени соответствовали местным особенностям культа, если таковые находились среди привезенных издалека предметов.

Таким образом, данные письменных источников и археологические свидетельства позволяют считать жителей Самоса активными участниками торговой и военной жизни восточного Средиземноморья в VIII–VII вв. до н.э. С уверенностью можно говорить о поездках самосцев в Египет, которые могли осуществляться не только ради обмена товарами, но и в целях знакомства с более развитыми технологиями ремесленного производства, о чем свидетельствует неоднократно повторяющийся мотив о заимствовании самосцами бронзолитейной технологии. Возможно также присутствие самосских купцов в торговых городах Леванта вместе с представителями других областей Восточной Греции. Импорты из более удаленных территорий, таких как Урарту, Месопотамия и Кавказ, вероятно, попадали в руки самосцев через посредническую торговлю. Другим источником импортных вотивов следует считать наемническую или пиратскую деятельность самосцев, которая также находит отражение в источниках. Наличие же на Самосе ремесленных мастерских иноземных мастеров представляется крайне сомнительным.

Гораздо более спекулятивный характер носит предположение о том, что часть посвящений была сделана непосредственно выходцами из восточных стран в ходе паломнических визитов ввиду ярко выраженной направленности Герайона на обслуживание локальных самосских интересов. Стоит, однако, упомянуть о возможности включения Геры в общий религиозный контекст Средиземноморья благодаря ее отождествлению с Повелительницей зверей³⁷ или даже в связи с идеей о том, что культ самосской Геры происходит от восточного культа Великой Богини. Такая интерпретация может объяснить большое количество статуэток животных в святилище, учитывая, что практически все эти виды животных встречаются в сакральных контекстах, а также сделать культ Геры понятным для жителей ряда территорий Малой Азии. Однако довольно трудно представить, что паломничество в Герайон совершали жители более отдаленных регионов. Учитывая наиболее активные контакты Самоса с Египтом, представляется наиболее вероятным, что если часть вотивов и была посвящена не-греками, то это были скорее обитатели этого региона, воспринимавшие Геру как местное самосское божество.

³⁷ O'Brien 1993, 25–28.

Литература / References

- Ampolo, C., Bresciani, E. 1988: Psammetico re d'Egitto e il mercenario Pedon: premessa. *Egitto e Vicino Oriente* 11, 237–253.
- Barbaro, N. 2018: Dedicata votiva del mercenario Pedon. *Axon* 2/1, 19–30.
- Boardman, J. 1965: Tarsus, Al Mina and Greek Chronology. *Journal of Hellenic Studies* 85, 5–15.
- Boardman, J. 1980: *The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade*. London.
- Burkert, W. 1995: *The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age*. Cambridge.
- Campbell, D.A. (ed.) 1982: *Greek Lyric. Sappho and Alcaeus*. (Loeb Classical Library, 142). Cambridge.
- Demetriou, D. 2012: *Negotiating Identity in the Ancient Mediterranean. The Archaic and Classical Greek Multiethnic Emporia*. Cambridge.
- Eph'al, I., Naveh, J. 1989: Hazael's Booty Inscriptions. *Israel Exploration Journal* 39/3–4, 192–200.
- Fantalkin, A., Lytle, E. 2016: Alcaeus and Antimenidas: Reassessing the Evidence for Greek Mercenaries in the Neo-Babylonian Army. *Klio* 98/1, 90–117.
- Hockmann, U., Kreikenbom, D. (eds.) 2001: *Naukratis. Die Beziehungen zu Ostgriechenland, Ägypten und Zypern in archaischer Zeit. Akten der Table Ronde in Mainz, 25.–27. November 1999*. Möhnsee. Jantzen, U. 1972: *Ägyptische und orientalische Bronzen aus dem Heraion von Samos*. (Samos, VIII). Bonn.
- Kilian-Dirlmeier, I. 1985: Fremde Weihungen in griechischen Heiligtümern vom 8. bis zum Beginn des 7. Jahrhunderts v. Chr. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 32, 215–254.
- Kyrieleis, H. 1990: Samos and Some Aspects of Archaic Greek Bronze Casting. In: M. True, J. Podany (eds.), *Small Bronze Sculpture from the Ancient World. Papers Delivered at a Symposium Organized by the Departments of Antiquities and Antiquities Conservation and Held at the J. Paul Getty Museum, March 16–19, 1989*. Malibu, 15–30.
- Kyrieleis, H. 2005: The Heraion at Samos. In: N. Marinatos, R. Hägg (eds.), *Greek Sanctuaries. New Approaches*. Online ed. London–New York, 99–122.
- Kyrieleis, H., Röhlig, W. 1988: Ein altorientalischer Pferdeschmuck aus dem Heraion von Samos. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 103, 37–75.
- Moller, A. 2001: *Trade in Archaic Greece*. Oxford.
- Morris, S.P. 2006: The View from East Greece: Miletus, Samos and Ephesus. In: S.P. Morris, C. Riva, N.C. Vella (eds.), *Debating Orientalization. Multidisciplinary Approaches to Change in the Ancient Mediterranean*. London–Oakville, 66–84.
- Mouritz, D.M. 2018: *East Greek Pottery and Graeco-Anatolian Mercenaries in the Southern Levant in Iron Age IIC (CA. 600 BCE)*. PhD thesis. Melbourne.
- Niemeier, W.-D. 2001: Archaic Greeks in the Orient: Textual and Archaeological Evidence. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 322, 11–32.
- O'Brien, J.V. 1993: *The Transformation of Hera: A Study of Ritual, Hero and the Goddess in the Iliad*. Lanham.
- Pedley, J. 2005: *Sanctuaries and the Sacred in the Ancient Greek World*. Cambridge.
- Schlottzauer, U., Villing, A. 2006: East Greek Pottery from Naukratis: The Current State of Research. In: A. Villing, U. Schlottzauer (eds.), *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. London, 53–68.
- Sullivan, B.M. 2011: Paying Archaic Greek Mercenaries: Views from Egypt and the Near East. *Classical Journal* 107/1, 31–59.
- Villing, A., Schlottzauer, U. 2006: *Naukratis: Greek Diversity in Egypt Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. London.
- Waldbaum, J.C. 1994: Early Greek Contacts with the Southern Levant, ca. 1000–600 B.C.: The Eastern Perspective. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 293, 53–66.